

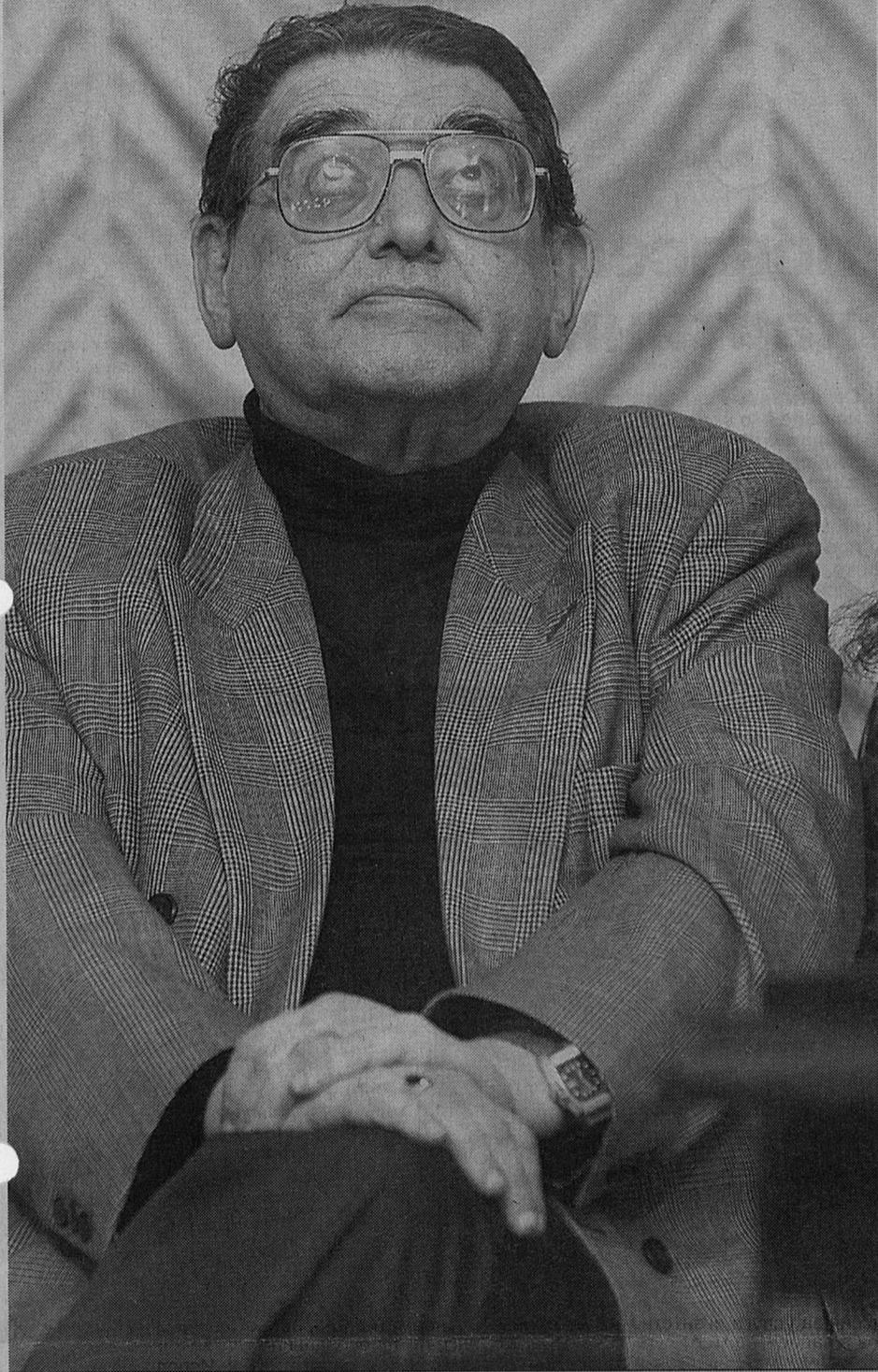
«Официальное признание — очень опасная вещь. Недаром Пастернак вспомнил о судьбе Маяковского, которого стали насаждать, как Екатерина — картошку. Есть такой способ убийства — задушить в объятиях»

Леониду Зорину — 80 лет

юбилей

«Жизнь по определению нельзя выиграть, ее можно только проиграть»

Леонид Зорин — Газете

Леонид Зорин: «Четырех лет от роду я объявил, что буду писателем»
Фотограф: Максим Коняев/Газета

Свое 80-летие справит сегодня Леонид Зорин — прославленный драматург, прозаик, поэт. В конце 1960-х его пьеса «Варшавская мелодия» с триумфом шла едва ли не в каждом уголке страны, а в 1980-х поставленный по его сценарию фильм «Покровские ворота» моментально разошелся на цитаты. Перед юбилеем Леонид Зорин дал интервью корреспонденту Газеты и Глебу Ситковскому.

Вы были необычным ребенком, с самого раннего детства и по сей день вы — писатель. Наверное, столь раннее начало литературной карьеры серьезно поощрялось родителями? Стали бы вы без их участия тем, кем стали? Разумеется, родители не выбирали для меня профессии. Да это и не требовалось. Четырех лет от роду я объявил, что буду писателем, и каждодневно исписывал своими каракулями по несколько листов ни в чем не повинной бумаги. С той поры, кстати, ничего не изменилось. Но домашняя атмосфера, в особенности многочасовые беседы с моим отцом, естественно, не прошли бесследно.

Когда вам было десять лет, вы встретились с Максимом Горьким, после чего классик опубликовал статью «Мальчик», где предрекал вам серьезное литературное будущее. Насколько повлияла горьковская драматургия на то обстоятельство, что вскоре вы стали писать пьесы?

Первую пьесу я написал лет в четырнадцать. Потом я писал их много и быстро. Первую пьесу, которая была поставлена в Бакинском театре, я сочинил в семнадцать. Все эти пьесы, естественно, никуда не годились. В 1948-м я переехал в Москву, и в следующем году в Малом театре была поставлена пьеса «Молодость», с которой я и веду отсчет. Она тоже была не бог весть что, но какое-то настроение в ней ощущалось — этим она и привлекла театр. Влияние Горького проявилось отчетливее всего в пьесе «Гости», принесшей мне очень много несчастий. Долгие годы я был убежден, что в основе пьесы должна быть социальная проблематика, а человеческие отношения — это уже вторично. Подобно моему гуру, я был юным homo politicus. Потом это наваждение минуло.

В юности вы были еще и очень недурным шахматистом. Кажется, даже имели разряд. Связана ли каким-то образом способность просчитывать шахматную партию на несколько ходов вперед

со способностью сочинять замысловатые сюжеты для пьес?

Мне пришлось наблюдать многих шахматистов, в том числе и выдающихся. Все они своеобразные люди; шахматное дарование — нечто стоящее особняком. Одно время считалось, что шахматисты — хорошие математики, но обнаружилось, что это совсем не обязательно. Иные думают, что шахматист умеет просчитывать не только ходы и ситуацию, возникающую на доске, но и собственную жизнь. Однако множество трагических судеб, немалое число неудачников не от мира сего опровергают и это расхожее представление. Да, это странный и еще не вполне постигнутый дар.

Среди ваших многочисленных афоризмов меня заинтересовал вот какой:

«Всякий роман поэта с властью кончается плохо. Особенно когда он кончается хорошо». Вы всегда так думали или у вас раньше были иллюзии на этот счет?

Официальное признание — очень опасная вещь. Недаром Пастернак вспомнил о судьбе Маяковского, которого стали насаждать, как Екатерина — картошку. Есть такой способ убийства — задушить в объятиях.

Возвращаясь к политике: в одном из лучших ваших романов, «Трезвеннике», герой с равной безразличностью относится и к старой власти, и к новой. Трезвенник — это вы?

Вы правы, я с нескрываемой симпатией отношусь к герою романа «Трезвенник», хотя и ему не удалось выиграть жизнь (в другом романе, в «Забвении», я прослеживаю его судьбу). Впрочем, жизнь по определению нельзя выиграть, жизнь можно только проиграть, ибо мы в конечном счете ее теряем. Но занятия политикой опустошают человека и, как я убедился, редко себя оправдывают. В том же «Забвении» главный герой говорит: «Однажды я сделал открытие: проигравший передает эстафету выигравшему. Каким-то неотвратимым образом они оказываются в одной команде». На мой взгляд, так оно и есть: очень часто победитель оказывается ничем не лучше побежденного, которого он сменяет на исторической сцене. Естественно, пришлось прожить долгую жизнь, чтобы это не только понять, но и прочувствовать.

Может показаться, что вы всегда жили в мире слов, избегая серьезных столкновений с реальностью. Можете ли вы про себя сказать, что вы кабинетный писатель?

У всякого писателя свой путь. Замечательный Борхес действительно прожил свой земной срок среди книг, книгами вдохновлялся, о книгах писал. Марсель Пруст почти не выходил из дома. Но в основной своей массе литераторы используют в работе то, что они видели и узнали. Богатство впечатлений — почти непре-

менное условие творчества. Разумеется, в каждом произведении есть личный — жизненный и душевный — опыт автора. Если говорить о себе, то «Покровские ворота», например, вообще автобиографическое произведение, в нем нет ни одного придуманного персонажа. Но даже и вымысел опирается на прожитое, поэтому писателю важно, чтоб оно было возможно более насыщенным. Вдоволь потолкаться среди людей, а уж потом можно и в себе покопаться.

Успешный драматург, известный всей стране, вы в какой-то момент почти отошли от сочинения пьес, предпочтя прозу. Вам наскучил театр?

Разумеется, от своих драм и комедий никуда не денешься, но последние два десятилетия на первое место вышли романы и повести, и я ощущаю себя прозаиком. Очевидно, все то, что накопилось за эти годы, трудно вместить в тесную кубатуру пьесы. Не скрою, для меня большое событие, что издательство «Время» несколько дней назад выпустило в свет двухтомник моей прозы — в эти два тома вошли все главные вещи. Это не значит, что театр забыт. Мой друг Владимир Алексеевич Андреев 4 ноября впервые показывает еще не шедших в Москве «Невидимок». Другой мой друг, Михаил Михайлович Козаков, показал 14 октября по каналу «Культура» телеспектакль по «Медной бабушке». Я глубоко благодарен двум замечательным художникам, давшим жизнь не одному моему произведению.

газета

мальчик из Баку

Леонид Генрихович Зорин родился 3 ноября 1924 года в Баку. Ему было 10 лет, когда в азербайджанском издательстве вышла первая книга его стихов. Тогда же состоялась историческая встреча Зорина с Максимом Горьким, после чего Горький опубликовал очерки «Мальчик» и «Мальчики и девочки». В 17 лет Зорин стал членом Союза писателей. В 1946-м окончил Азербайджанский университет, в 1947-м — Литинститут имени Горького. В 1949 году Малый театр поставил его пьесу «Молодость». В 1954-м Театр имени Ермоловой принял к постановке пьесу Зорина «Гости», но спектакль запретили, а режиссер Андрей Лобанов был уволен из театра, после чего вскоре умер. Травля подвергались и другие зоринские пьесы, например «Римская комедия», поставленная Товстоноговым в БДТ. За свою жизнь Зорин написал 49 пьес. В кино как сценарист работал с Эльдаром Рязановым, Александром Аловым и Владимиром Наумовым, Михаилом Козаковым.

газета

«не аплодируйте — аплодисменты мешают думать» (некоторые афоризмы Леонида Зорина)

Чем больше мы знаем, тем меньше становимся.
Сила слабых — в динамике, сила сильных — в статике.
Два футуролога на пенсии: «Помнишь, какое у нас было будущее?»
Стертая мысль? Свежая мысль? Оценка зависит только от времени, в которое они произносятся.
От врагов — огорчения, от друзей — горе.
Он охотно писал письма — это была возможность поговорить о себе.
Либо «пьянство жизни», о котором писал Толстой, либо поиски ее смысла.
Но в обоих случаях ждет похмелье.
Дать и отдать — не одно и то же. Те, кто дают, нас умиляют. Те, кто отдают, — удивляют.
Один итальянский писатель заметил, как кажется, не без почтительности: «Русские — трагическая версия итальянцев». Можно назвать любой народ — мы будем его трагической версией.
То, что мы с вами приобрели за это столетие, даже страшней, чем то, что мы за этот срок потеряли.
В конечном счете высота личности — высота ее одиночества. Можно очаровать общество, но все решает, каков ты есть наедине с самим собой.
Когда мораль солидарна с силой, она обнаруживает слабость.
Главный закон сюжетостроения лучше всего сформулировали авиаторы: «Летит мотор, а все прочее ему мешает».
Хотеть любить, хотеть работать и — прежде всего — хотеть хотеть. Тогда лишь и будешь жить.
Стоит ли торопиться к бессмертию, если оно начинается смертью?
За плохой вкус власть предлагает хорошие деньги. Да и дешевый оптимизм дорого стоит.
Не аплодируйте — аплодисменты мешают думать.
У вечности не бывает любимчиков.